

ГЕОРГИЙ ГРАЧЕВ

МИМЕСИС

18+

Георгий Грачев

Мимесис

<https://litres.ru/74265419>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где смерть не дает долгожданного забвения, а жизнь – всего лишь безвыходная жажда умереть и забыться навсегда, безвольный мертвец, игрушка Молоха, обретает память о том, что случилось с ним до его смерти. Вместе с тем он обретает и смысл существования – месть. И, быть может – как сумеречный призрак, размытый силуэт, – любовь. Давно забытая. Давно умершая. Насквозь истлевшая и прогнившая. И всё же, в мире, где смерть не дает долгожданного забвения... возможно всё?

Содержание

1	4
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Георгий Грачев

Мимесис

1

Дым. Сигаретный дым. Калина не любил сигаретный дым. Он сел на кровати, коснувшись босыми ногами холодного паркета. Неужели Ника? Сколько раз он говорил ей, что оторвет этой засранке уши, если еще раз учует сигаретный смрад в пределах дома. Без толку. Поколение бестолковых, упрямых баранов, которых не сдвинешь с места. Делают что хотят, изображают независимых, а потом «папа, мне нужны деньги», а денег, мать твою, нет, потому что папина кредитка чудесным образом испарилась еще неделю назад! Независимость! Личные границы! Сейчас он покажет ей границы.

Он открыл дверь, стараясь не разбудить жену. В коридоре стоял спертый воздух, запах сигарет усилился. Распахнув окно, он на ощупь стал двигаться вперед, по запаху, пытаясь определить источник. Стало холодно, и он сильнее закутался в халат.

Запах шел из его собственного кабинета. Неужели? Маленькая сучка, если она действительно залезла туда, чтобы покурить, он оторвет ей не только уши, но и...

Он не додумал, что именно собрался отрывать, потому

что услышал какой-то странный, слабый звук за дверью, словно кто-то отливал в его туалете, соединенном с кабинетом. Такой наглости Калина выдержать уже не смог, дернул ручку и резко открыл дверь.

Из темноты кабинета – и это было первым, что он заметил – на него смотрело пистолетное дуло. Чуть выше – пара холодных, будто бы стеклянных глаз. Калина не испугался. Он, вообще говоря, не первый раз попадал в подобную ситуацию. Более странным, чем сам факт присутствия у него в кабинете киллера, было то, что сигарету, запах которой до сих пор очень сильно бил его в нос, он не видел.

Гость, сидевший в кресле, которое тот, видимо, выдвинул из-за стола специально, чтобы, когда Калина войдет, было видно ствол на коленях, не шевелился. Он молчал. Калина тоже молчал. И самое удивительное, что в этом молчании все еще раздавался плеск от льющейся струи. Затем стихла и она. Звук смыва бачка унитаза. Щелчок. Яркая полоска света легла на половину лица киллера, и Калине вдруг что-то показалось – что-то знакомое в его глазах. Кто это? Неужели?..

Полоска света исходила со стороны открывшейся двери туалета, из которой, держа сигарету в зубах, вышел еще один посетитель – нагломордый, рыжий и (черт-те знает, почему) в солнцезащитных очках.

– Да, вот это хоромы у мужика! – сказал тот, закрывая дверь. – Мне бы такой толчок домой. Прикинь, у него там

крышка сама по кнопке смыва закрывается.

Как только дверь захлопнулась и комната снова заполнилась темнотой, рыжий хер застыл, рассматривая Калину так, словно мог его видеть в темноте и через очки. Калина же рассматривал его лицо, освещенное сигаретой.

– О, Виктор Сергеич! – отозвался он вдруг, и сигарета заиграла во рту. – Или вас лучше Калина называть?

– Вам бы, пацаны, лучше самим представиться, – хрипло сказал Калина, недоуменно глядя на недоразумение в солнцезащитных очках. – Обоим.

– А, это как вам угодно. Меня зовут Кир, – он вытащил сигарету изо рта и той же рукой указал в сторону сидевшего в кресле (и во все той же позе) киллера так, что видно было только тлеющий уголек и край одного из державших окурков пальца. – А это мой напарник – Улквос. Можно Ульянов для простоты, но ему не нравится. Хотя, по правде, ему вообще мало что нравится, но...

– Странные у вас имена, – перебил его Калина. Судя по всему, у рыжего была предрасположенность к словесному поносу.

– Я слышу это от Калины? – ответил тот, сверкнув в темноте клыками.

– Сойдемся на Викторе Сергеевиче, – спокойно ответил Калина. – Потому как я вас не знаю. Сделаем вид, что вы просто обознались. Предъяв никаких вам не будет, я в хорошем настроении – ожидал тут увидеть вообще другого. Но

при одном условии – у вас минута, чтобы свалить отсюда на хер, открыв все окна на проветривание.

– А вот это вряд ли, Виктор Сергеич, – сказал Кир, а затем сделал затяжку. – Я не могу дышать в помещении, если в нем не накурено, как в кабаке. Редкое генетическое заболевание...

– А ну заткнись, – слегка рыкнул Калина, терпение которого начинало кончаться. – Тебя что, в цирке рожали? Ты знаешь, кто я такой?

– Даже обидно, Виктор Сергеич, что вы такого мнения о моих умственных способностях – я же вас по имени назвал. Конечно, я знаю, кто вы. Я целое досье прочитал. Толстенное. Чуть со скуки не помер. А мне ведь за это никто не доплачивает.

– Какое, на хер, досье?

– Вот это, – Кир что-то бросил на журнальный столик у стены, и оно глухо шлепнулось о стекло. – А! Ой! – картинно запричитал вдруг Кир. – Извините, Виктор Сергеич. Вы же, наверное, не видите ни зги.

Щелчок выключателя. Калина зажмурился. Привыкнув к свету, он наконец мог хорошо видеть и Кира, и того – второго, Ульяна, или как его там. На журнальном же столике, как теперь можно было заметить, лежала толстенная коричневая папка, обтянутая массивной бечевкой. На белой, наклеенной поверх бумажке ручкой было написано: «Калинин Виктор "Калина" Сергеевич, 1979 г.р. Дата залога – 1993.

Срок погашения – 2026». Далее – дата, подпись и прочее.

Залог? Погашение? Это коллекторы? Но он ничего не брал. Разве что это... Девяносто третий год?

Он обернулся на второго, Ульяна, и взгляделся в его лицо. Недаром оно показалось ему знакомым, и теперь, при свете люстры, он узнал его. На него смотрел призрак. Точно такой же, как и тогда, в девяносто третьем году. Только теперь лицо было бледное, пустое и безжизненное. Обескровленное, как у свиньи на мясном крюке.

Калина побелел, он сглотнул слюну. Некоторое время он боролся с внезапно нахлынувшим на него чувством страха, но, посмотрев еще раз на папку, на дату залога и дату погашения, кое-что осознал. Два идиота, или (если быть чуть более точным) полтора, пришли сюда, зная, кто он такой, но не удосужившись проверить чуть подробнее более актуальную информацию. Это было очевидно. Лицо Калины расплылось в улыбке и порозовело, из-под губ показались подгнившие зубы.

– Так вы что, за душой моей пришли? – голос Калины уже торжествовал и смеялся. – В этом смысле «залог»?

Не понимая, в чем именно заключается перемена настроения, Кир решил, что Калина сошел с ума – так часто бывает с должниками, к которым он приходил. Тщетные попытки ухватиться за жизнь, торг, перепады настроения, отчаянные крики, увещевания. Он всего этого наслушался вдоволь, однако все же насторожился.

– Да, – ответил он. – Мы из Пандемониума. Как видите, за вами должок. Вы не переживайте, это почти безболезненно. Парочка трубочек, ИВЛ или ЭКМО, затем заборный механизм, и ваши соки потекут прямиком из Утиля наверх, где они более всего требуются, так что одевайтесь и прекратите страдать херней. Ехать долго.

– Ты, чертила, вообще не одупляешь? – Калина хрипло засмеялся так, что его морщинистое лицо задергалось, а затем спокойно прошел мимо проводившего его хладнокровным собачьим взглядом киллера и сел на рабочий стол, оголив из-под халата волосатые ноги. – Я неприкасаемый. У меня договор с вашим начальником, как там его? Молок, Молёк...

– Молох, – машинально подсказал Кир, осмысливая услышанное.

– Точно. Ну и имена у вас у всех. Надо было сразу догадаться, кто вы такие. Я, конечно, за ваши порядки еще мало понял, но что знаю точно – так это то, что ты прав никаких не имеешь так со мной обращаться, как обращаешься. Ты, судя по всему, этот, как тебя...

– Бес.

– Ты черт. Шестерка, по-нашему. А я демоном коронуюсь скоро. В законе, если, опять же, по-нашему. Следовательно, я могу теперь с вас, друзья мои, спросить – а вы не попутали?

– Разумеется, вам есть, чем это доказать? – нашелся, что сказать, Кир. – Вы ведь знали, что это очень редкая процедура?

– Да на, смотри.

Калина потянул за ворот халата, показав часть покрытой седыми волосами груди. На морщинистой, обрюзгшей коже виднелись синие воровские татуировки. Рядом с розой ветров под кожей проступала свежая черная метка, похожая на цифру четыре. Кир узнал ее. Хесед.

Кир поник. Он прикусил губу, снял очки, за которыми оказалось два словно больных катарактой глаза, которые он тут же зажмурил от света, протер их, а затем надел очки обратно.

– Извините, Виктор Сергеевич. Видимо, ошибка вышла. Нам об этом не сказали. Еще раз, это большая редкость, и вам невероятно повезло.

Киру очень не нравилось это говорить. Слова скрипели на зубах, мысли же были о том, какое удовольствие бы он сейчас получил, задушив какую-нибудь шлюху, представляя вместо ее лица – лицо той твари из управления, которая выдала им дело. Надо же так влипнуть! Теперь бы уйти отсюда целыми, шаркая ножкой и извиняясь, пока кланяешься в пояс и задницей ищешь выход.

– А этот? – самодовольно ухмыляясь, спросил Калина, указывая на киллера, который равнодушно смотрел на происходящее. – Он кто?

– Он мим, – ответил Кир.

– Кто?

– Мим. От слова «мимесис». Неживое существо, подра-

жающее живому. Упырь, по-вашему.

– А, вот оно что. То есть, он вообще никто?

– Можно сказать и так.

Калина почему-то расплылся в еще более самодовольной усмешке, чем прежде, жадно рассматривая Ульяна.

– Буду иметь огромное удовольствие, когда меня коронуют, вызвать вас к себе. И этого своего упыря с собой приведи.

– Как будет угодно, – сказал Кир, надеясь, что Калина забудет об этом сразу после обряда перерождения, который тот на свой лад назвал коронацией. – Теперь же не будем вас беспокоить и удалимся, – он подал знак Ульяну, и тот встал и пошел за ним. – Всего доброго.

Калина не стал их останавливать, несмотря на то что Кир боялся этого и оглядывался каждый раз, пока не покинул дом и не оказался в машине.

Хлопнула водительская дверь – Ульян сел за руль.

– Вот же дерьмо, – сквозь зубы выцедил Кир, закуривая сигарету. – Какая мразь. И чего он так на тебя смотрел, кстати? Будто сейчас языком в ухо залезет, а пальцем в жопу. Понравился ты ему, видимо, старому содомиту.

Ульян промолчал.

– Ну да ладно, – продолжал Кир. – Отвези нас в бар. Хватит на сегодня работы. Если это можно так назвать.

Стакан с водкой проехался по неровному дубовому столу с кучей ножевых отметин, расплескав чуть ли не половину содержимого. Ульян поймал его, едва не разбив. Справа от него раздался чей-то недовольный окрик. Слева – дрожащий и сиплый от боли и морфия голос упыря неразборчиво спрашивал у бармена, остался ли у того под поллой конотоксин.

– Пошел вон, – отрезал бармен, и упырь скрылся в толпе таких же, как он, убогих.

Шум и давка действовали на Ульяна раздражающе. Светомызыка на другом конце зала – ее он просто ненавидел. Слова упыря подействовали, как триггер, и Ульян поднял край рубашки – индикатор на катетере почти бил в ноль.

– Что, кончается? – спросил пришедший из туалета Кир. – Скоро на морфий. Вряд ли разживемся «нектаром», после сегодняшней-то ночи.

Ульян понимающе кивнул и выпил стакан водки залпом. Ничего. Как и все разы до этого. И чего он хотел?

– Опять баблo всаживаешь? – Кир устроился рядом, по левую руку от Ульяна, и жестом заказал себе один стакан. – Затягивай пояс лучше. Эта обезьяна престарелая, если он злопамятный, жизни нам не даст ближайшие несколько циклов.

Ульян опять кивнул.

– Ты что-то неразговорчивый сегодня.

– А когда был? – подал наконец голос Ульянов.

– О, ты говоришь. Я уж думал, всё – онемел.

Киру приехал его стакан водки. Он поймал его чуть более ловко, чем Ульянов, и начал пить мелкими глотками.

– Если бы я онемел, то сошел бы с ума от твоих каждодневных вопросов, почему я не разговариваю.

Кир рассмеялся и хлопнул Ульяна по плечу.

– Вот это другое дело. Забей ты на этого хрыча. Тоже мне, демон в законе. Зэк он и есть зэк. Жалкое, вонючее убожество. Ни чести, ни совести.

– У демонов будто чести и совести много.

– Конечно. Только своеобразной. Демонической.

Кир помолчал. Ульянов тоже помолчал и заказал еще один стакан.

– Чем будешь заниматься? – спросил Кир.

Чем заниматься? Пытаться тщетно напиться, терпеть боль, драться с какой-нибудь пьянью, искать себе упириху под дозой и трахать ее всю ночь просто потому, что не можешь спать.

– Наверное, найду себе стенку поинтереснее и буду смотреть в нее, – ответил Ульянов и выпил.

– В таком случае, оставлю тебя, – сказал Кир и тоже выпил. – У меня планы более прозаичные и скучные, так что не буду мешать.

Кир хлопнул Ульяна по плечу и встал.

– Машину я заберу, – добавил он. – Не против?

– Нет.

– Прекрасно. Ну, бывай.

– Угу.

Кир растворился в полумраке бара. Ульян остался один в окружении упырей и бесов. Он посидел некоторое время, поискал подходящую упыриху глазами, но, никого не найдя, собирался уже было встать, как увидел женщину в красном платье. Она сидела прямо там, где сидел до этого Кир, и рассматривала Ульяна. Возникла, как из-под земли. Глаза ее сверкали. Она облизала влажные губы и тронула Ульяна за руку.

– Что такой красавчик, как ты, делает в таком месте?

– Наслаждаюсь, как свинья в канаве.

Она хищно улыбнулась. Рука ее опустилась ниже, к коленке.

– Вот как? В таком случае, мы с тобой похожи. Меня зовут Лина.

– Очень рад.

– А ты неразговорчив. Сразу к делу? Пойдем ко мне?

В этот раз ее рука легла Ульяну между ног и коснулась мошонки. Шлюха сама нашла его, и Ульян довольно хмыкнул.

– К тебе? Это куда?

– Тут гостиница, недалеко.

– Веди.

Через пятнадцать минут они ввалились к ней в номер, сце-

пившись губами, как две пиявки, желавшие высосать друг друга. Одной рукой Ульянов стал хаотично шарить в кармане брюк, чтобы достать резинку, но она выпрыгивала из пальцев. Как только ему удалось зацепить ее, он попытался открыть упаковку зубами, но Лина выбила резинку из рук.

– Твою мать, помедленнее, – забормотал задыхающийся Ульянов. – Я ни хера не успеваю.

– Я люблю быстрый секс, – отвечала Лина, сбрасывая с него португую с кобурой, которая тут же с гулом ударилась об пол.

Затем Лина вдруг дернула Ульяна за ворот рубахи, и пуговицы выстрелили в разные стороны, а после толчком заставила его упасть на кровать, сбросила с себя платье и осталась почти голой, за исключением чулок. Ульяну перехватило дыхание. За долгое время, это был первый раз, когда он испытывал подобное возбуждение. Он попытался встать, перехватить инициативу, отодрать ее, как суку, задрав голову за волосы, как обычно и делал, но Лина не дала ему этого, взобралась на него сверху, как паук, и ее волосы упали ему на лицо. Она взяла его руку, положила себе на грудь. Он сжал ее почти инстинктивно, чувствуя, как ладонь упирается в твердый сосок.

Дышать становилось все труднее. Лина ласкала его грудь губами и языком. Ульянов слышал звуки расстегивающихся ремня и ширинки. Стены словно раздвигались вокруг, пространство расширялось, и на всем этом пространстве не бы-

ло ничего, кроме него и нее, кроме кровати, мокрого, сбитого в беспорядке постельного белья и уходивших за пределы сознания чисел и слов, ранее постоянно повторявшихся в голове и не дававших заглянуть дальше. Всполохи света. Мутный водоворот никогда не виденных событий. Границы пропадали с каждым поцелуем, с каждым прикосновением, и боль в груди стала казаться чем-то более реальным, более настоящим, чем все остальное.

– Открой рот, – сказала она, и он повиновался, как пес.

Она провела пальцами по его языку, словно сделала мазок, и использовала слюну как смазку, а затем направила его, позволив войти. Он почувствовал, как погружается в нее, и спустя три фрикции осознал, что уже готов закончить. Рот его двинулся, на языке засохли какие-то слова, а вырвался лишь стон. Вырвался и застыл. В глазах потемнело. Все исчезло. Казалось, прошла вечность.

Он очнулся. Протрав глаза в сопротивлении яркому свету, он увидел Лину. Сидя на кровати и приподняв ногу, она поправляла сбившийся чулок.

– Что... это было? – спросил он, все еще задыхаясь.

– Лучшее, что случилось с тобой в посмертии.

– Лучшее? Нет, стой. Со мной... такого со мной никогда еще не было.

– Разумеется. Ты не переживай. Я же сказала, что люблю быстро.

– Погоди. Дай отдышаться. Я... ты со мной... что ты со

мной сделала? Что со мной?

– Вернула память, – ответила Лина, натягивая платье. – Ты же вспомнил?

– Что? Что я вспомнил?

– Себя, – она села напротив него в кресло, закинув ногу на ногу, и принялась застегивать платье на спине. – До смерти. Попробуй подумать о прошлом.

Ульян заглянул в себя. Увиденное вселило ужас. Он часто задышал, голова накалилась. Легкая усталость сменилась мигренью, тисками давя со всех сторон. Он увидел то, чего хотел бы никогда больше не видеть. Снова забыть. Зачем она это сделала?

– Ну что? – спросила она. – Я вижу, ты понял.

– Что тебе нужно от меня?

– Для начала приведи себя в порядок. И застегни ширинку. Мы будем говорить о делах, а я не могу сосредоточиться, когда у делового партнера из штанов торчит уставший, вялый член.

Он застегнулся, нашарил под кроватью разодранную на воротнике рубашку без пуговиц, набросил ее сверху и сел на кровать, массируя виски. Лина одной ногой приподняла с пола портупею, в которой беспомощно болтался пистолет, взяла ее в руки и бросила на кровать рядом с Ульяном.

– Не забудь агрегат, – сказала она. – Вы, упыри, народ неосторожный.

– Так чего ты хочешь? – спросил Ульян, не открывая глаз.

– Я хочу, чтобы ты убил Калину.

Калина. Что за Калина? Тот старик, криминальный авторитет, которого он видел всего десять минут своей жизни? Он снова схватился за голову. Что-то ударило в висок, затем в грудь. Конотоксин. Ему нужен «нектар». Хотя бы немного. Или морфий. Да, на худой конец – морфий. Но только на худой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.